

СЛОНЁНОК

В отдалённые времена, милые мои, слон не имел хобота. У него был только черноватый толстый нос величиною с сапог, который качался из стороны в сторону, и поднимать им слон ничего не мог. Но появился на свете один слон, молоденький слон, слонёнок, который отличался неутомимым любопытством и поминутно задавал какие-нибудь вопросы. Он жил в Африке и всю Африку одолевал своим любопытством.

Он спрашивал своего высокого дядю страуса, отчего у него перья растут на хвосте; высокий дядя страус за это бил его своей твёрдой-претвёрдой лапой. Он спрашивал свою высокую тётю жирафу, отчего у неё шкура пятнистая; высокая тётя жирафа за это била его своим твёрдым-претвёрдым копытом. И всё-таки любопытство его не унималось! Он спрашивал своего толстого дядю гиппопотама, отчего у него глаза красные; толстый дядя гиппопотам за это бил его своим широким-прешироким копытом. Он спрашивал своего волосатого дядю павиана, отчего дыни имеют такой, а не иной вкус; волосатый дядя павиан за это бил его своей мохнатой-премохнатой рукой. И всё-таки любопытство его не унималось! Он задавал вопросы обо всём, что только видел, слышал, пробовал, нюхал, щупал, а все дядюшки и тётушки за это били его. И всё-таки любопытство его не унималось!

В одно прекрасное утро перед весенним равноденствием неугомонный слонёнок задал новый странный вопрос. Он спросил:

— Что у крокодила бывает на обед?

Все громко закричали «ш-ш» и принялись долго, безостановочно бить его.

Когда наконец его оставили в покое, слонёнок увидел птицу коло-коло, сидевшую на кусте терновника, и сказал:

— Отец бил меня, мать била меня, дядюшки и тётушки били меня за «неугомонное любопытство», а я всё-таки хочу знать, что у крокодила бывает на обед!

Птица коло-коло мрачно каркнула ему в ответ:

— Ступай на берег большой серо-зелёной мутной реки Лимпопо, где растут деревья лихорадки, и сам посмотри!

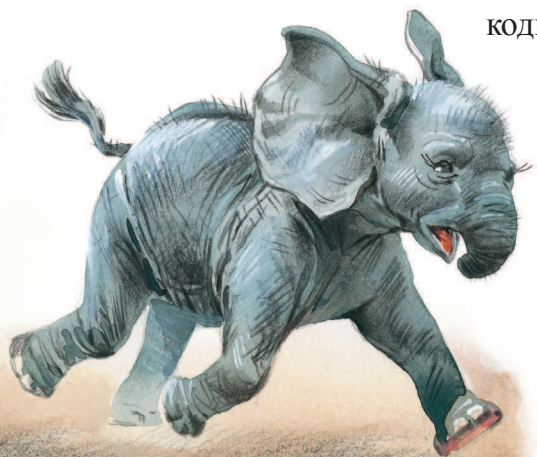
На следующее утро, когда равноденствие¹ уже окончилось, неугомонный слонёнок взял сто фунтов² бананов (мелких с красной кожей), сто фунтов сахарного тростника (длинного с тёмной корой) и семнадцать дынь (зелёных, хрустящих) и заявил своим милым родичам:

— Прощайте! Я иду к большой серо-зелёной мутной реке Лимпопо, где растут деревья лихорадки, чтобы узнать, что у крокодила бывает на обед.

Он ушёл, немного разгорячённый, но нисколько не удивлённый. По дороге он ел дыни, а корки бросал, так как не мог их подбирать.

Шёл он, шёл на северо-восток и всё ел дыни, пока не пришёл на берег большой серо-зелёной мутной реки Лимпопо, где растут деревья лихорадки, как ему говорила птица коло-коло.

Надо вам сказать, милые мои, что до той самой недели, до того самого дня, до того самого часа, до той самой минуты неугомонный слонёнок никогда не видал крокодила и даже не знал, как он выглядит.

¹ Равнодёнствие — это время, когда день равняется ночи. Оно бывает весеннее и осеннее. Весеннее приходится на 20–21 марта, а осеннее — на 23 сентября.

² Фунт равняется приблизительно 454 г, значит, слонёнок взял с собой более 45 кг бананов и более 45 кг сахарного тростника.

Первый, кто попался слонёнку на глаза, был двухцветный питон (огромная змея), обвившийся вокруг скалистой глыбы.

— Простите, — вежливо сказал слонёнок, — не видали ли вы в этих краях крокодила?

— Не видал ли я крокодила? — гневно воскликнул питон. — Что за вопрос?

— Простите, — повторил слонёнок, — но не можете ли вы сказать мне, что у крокодила бывает на обед?

Двухцветный питон мгновенно развернулся и стал бить слонёнка своим тяжёлым-протяжёлым хвостом.

— Странно! — заметил слонёнок. — Отец и мать, родной дядюшка и родная тётушка, не говоря уже о другом дяде гиппопотаме и третьем дяде павиане, все били меня за «неугомонное любопытство». Вероятно, и теперь мне за это же достаётся.

Он вежливо попрощался с питоном, помог ему опять обвиться вокруг скалистой глыбы и пошёл дальше, немного разгорячённый, но нисколько не удивлённый. По дороге он ел дыни, а корки бросал, так как не мог их подбирать.

У самого берега большой серо-зелёной мутной реки Лимпопо он наступил на что-то, показавшееся ему бревном.

Однако в действительности это был крокодил. Да, милые мои. И крокодил подмигнул глазом — вот так.

— Простите, — вежливо сказал слонёнок, — не случилось ли вам в этих краях встречать крокодила?

Тогда крокодил прищурил другой глаз и наполовину высунул хвост из тины. Слонёнок вежливо попятился; ему вовсе не хотелось, чтобы его опять побили.

— Иди сюда, малютка, — сказал крокодил. — Отчего ты об этом спрашиваешь?

— Простите, — вежливо ответил слонёнок, — но отец меня бил, мать меня била, не говоря уж о дяде страусе и тёте жирафе, которая дерётся так же больно, как дядя гиппопотам и дядя павиан. Бил меня даже здесь на берегу двухцветный питон, а он своим тяжёлым-претяжёлым хвостом колотит большее их всех. Если вам всё равно, то, пожалуйста, хоть вы меня не бейте.

— Иди сюда, малютка, — повторило чудовище. — Я — крокодил.

И в доказательство он залился крокодиловыми слезами.

У слонёнка от радости даже дух захватило. Он стал на колени и сказал:

— Вы тот, кого я ищу уже много дней. Будьте добры, скажите мне, что у вас бывает на обед?

— Иди сюда, малютка, — ответил крокодил, — я тебе скажу на ушко.

Слонёнок пригнул голову к зубастой, зловонной пасти крокодила. А крокодил схватил его за нос, который у слонёнка до того дня и часа был не больше сапога, хотя гораздо полезнее.

— Кажется, сегодня, — сказал крокодил сквозь зубы, вот так, — кажется, сегодня на обед у меня будет слонёнок.

Это вовсе не понравилось слонёнку, милые мои, и он сказал в нос, вот так:

— Не надо! Пустите!

Тогда двухцветный питон со своей скалистой глыбы прошипел:

— Мой юный друг, если ты сейчас не примешься тянуть изо всех сил, то могу тебя уверить, что твоё знакомство с большим кожаным мешком (он имел в виду крокодила) окончится для тебя плачевно.

Слонёнок сел на берег и стал тянуть, тянуть, тянуть, а его нос всё вытягивался. Крокодил барахтался в воде, взбивая белую пену хвостом, а он тянул, тянул, тянул.

Нос слонёнка продолжал вытягиваться. Слонёнок упёрся всеми четырьмя ногами и тянул, тянул, тянул, а его нос продолжал вытягиваться. Крокодил загребал хвостом воду, словно веслом,

а слонёнок тянул, тянул, тянул. С каждой минутой нос его вытягивался — и как же ему было больно, ой-ой-ой!

Слонёнок почувствовал, что его ноги скользят, и сказал через нос, который у него теперь вытянулся аршина¹ на два:

— Знаете, это уже чересчур!

Тогда на помощь явился двухцветный питон. Он обвился двойным кольцом вокруг задних ног слонёнка и сказал:

— Безрассудный и опрометчивый юнец! Мы должны теперь хорошенько приналечь, иначе тот воин в латах² (он имел в виду крокодила, милые мои) испортит тебе всю будущность.

Он тянул, и слонёнок тянул, и крокодил тянул. Но слонёнок и двухцветный питон тянули сильнее. Наконец крокодил выпустил нос слонёнка с таким всплеском, который слышен был вдоль всей реки Лимпопо.

Слонёнок упал на спину. Однако он не забыл сейчас же поблагодарить двухцветного питона, а затем стал ухаживать за своим бедным вытянутым носом: обернул его свежими банановыми листьями и погрузил в большую серо-зелёную мутную реку Лимпопо.

— Что ты делаешь? — спросил двухцветный питон.

— Простите, — сказал слонёнок, — но мой нос совсем утратил свою форму, и я жду, чтобы он съёжился.

— Ну, тебе долго придётся ждать, — сказал двухцветный питон. — Удивительно, как иные не понимают собственного блага.

Три дня слонёнок сидел и ждал, чтобы его нос съёжился. А нос несколько не укорачивался и даже сделал ему глаза раскосыми. Вы понимаете, милые мои, что крокодил вытянул ему настоящий хобот — такой, какой и теперь бывает у слонов.

¹ Аршин — это приблизительно 71 см; значит, длина носа у слонёнка стала почти полтора метра.

² Двухцветный питон назвал так крокодила потому, что тело его покрыто толстой, местами ороговевшей кожей, которая защищает крокодила, как в старину защищали воина металлические латы.

Под конец третьего дня какая-то муха укусила слонёнка в плечо. Сам не отдавая себе отчёта, он поднял хобот и прихлопнул муху насмерть.

— Преимущество первое! — заявил двухцветный питон. — Этого ты не мог бы сделать простым носом. Ну, теперь покушай немного!

Сам не отдавая себе отчёта, слонёнок протянул хобот, выдернул огромный пучок травы, выколотил её о свои передние ноги и отправил к себе в рот.

— Преимущество второе! — заявил двухцветный питон. — Этого ты не мог бы сделать простым носом. Не находишь ли ты, что здесь солнце сильно припекает?

— Правда, — ответил слонёнок.

Сам не отдавая себе отчёта, он набрал тины из большой серозелёной мутной реки Лимпопо и выплеснул себе на голову. Получился грязевой чепчик, который растёкся за ушами.

— Преимущество третье! — заявил двухцветный питон. — Этого ты не мог бы сделать простым носом. А не хочешь ли быть битым?

— Простите меня, — ответил слонёнок, — вовсе не хочу.

— Ну, так не хочешь ли сам побить кого-нибудь? — продолжал двухцветный питон.

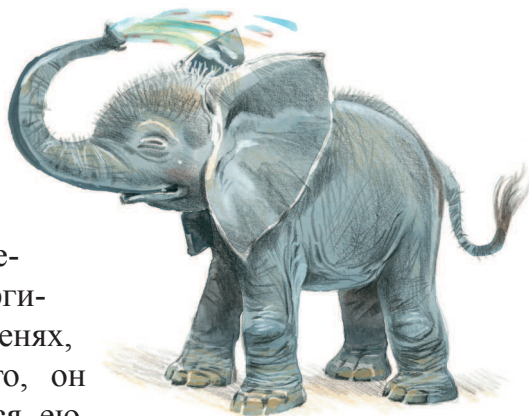
— Очень хочу, — сказал слонёнок.

— Хорошо. Вот увидишь, как для этого тебе пригодится твой новый нос, — объяснил двухцветный питон.

— Благодарю вас, — сказал слонёнок. — Я последую вашему совету. Теперь я отправлюсь к своим и на них испробую.

Слонёнок пошёл домой через всю Африку, крутя и вертя своим хоботом. Когда ему хотелось полакомиться плодами, он срывал их с дерева, а не ждал, как прежде, чтобы они сами упали. Когда ему хотелось травы, он, не нагибаясь, выдёргивал её хоботом, а не ползал на коленях, как прежде. Когда мухи кусали его, он выламывал себе ветку и обмахивался ею. А когда солнце припекало, он делал себе новый прохладный чепчик из тины. Когда ему скучно было идти, он мурлыкал песенку, и через хобот она звучала громче медных труб. Он нарочно свернул с дороги, чтобы найти какого-нибудь толстого гиппопотама (не родственника) и хорошенько его отколотить. Слонёнку хотелось убедиться, прав ли двухцветный питон относительно его нового хобота. Всё время он подбирал корки дынь, которые побросал по дороге к Лимпопо: он отличался опрятностью.

В один тёмный вечер он вернулся к своим и, держа хобот кольцом, сказал:

— Здравствуйте!

Ему очень обрадовались и ответили:

— Иди-ка сюда, мы тебя побьём за «неугомонное любопытство».

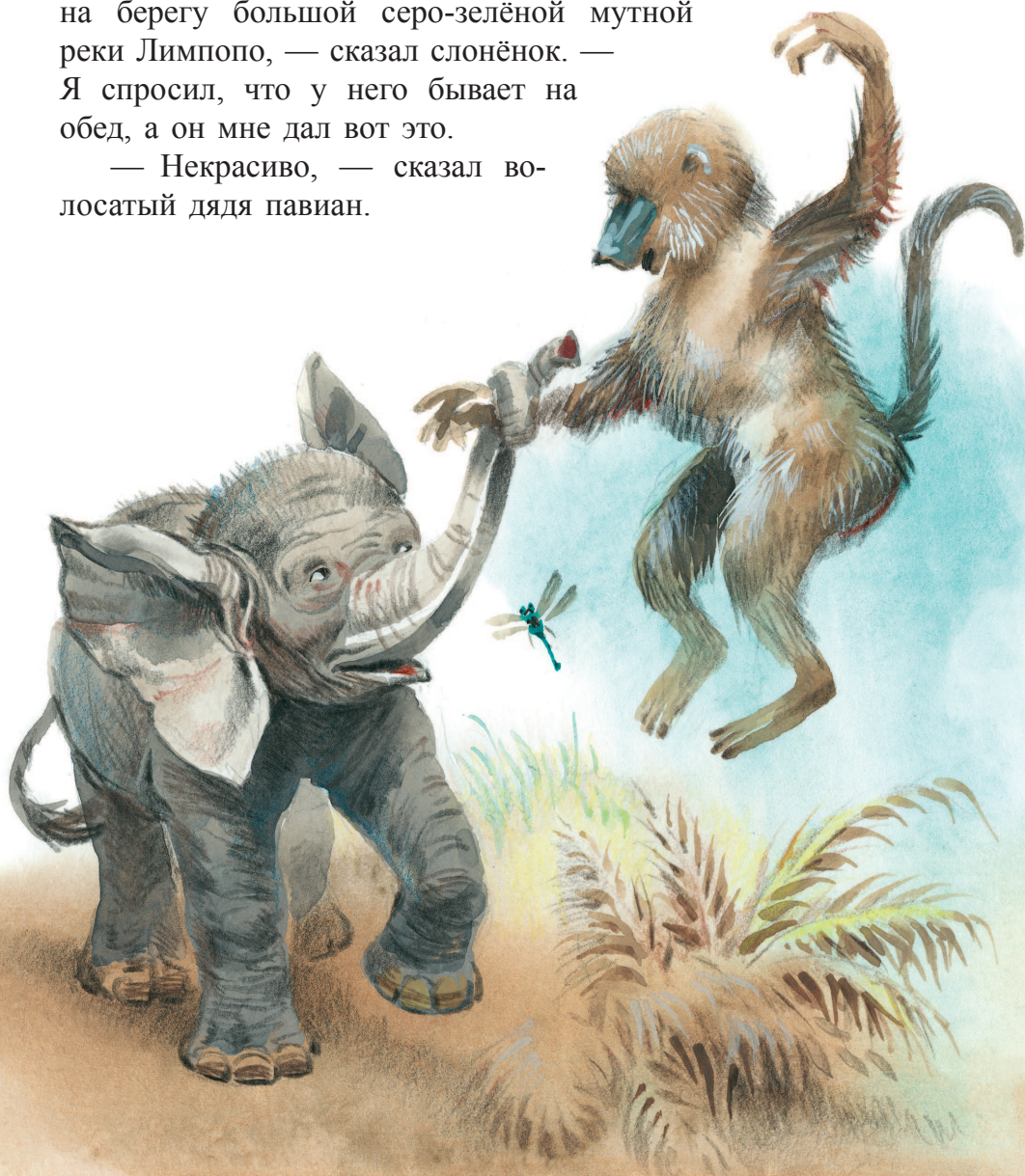
— Ба! — сказал слонёнок. — Вы вовсе не умеете бить. Зато посмотрите, как я дерусь.

Он развернул хобот и так ударил двух своих братьев, что они покатались кувырком.

— Ой-ой-ой! — воскликнули они. — Где ты научился таким штукам?.. Постой, что у тебя на носу?

— Я получил новый нос от крокодила на берегу большой серо-зелёной мутной реки Лимпопо, — сказал слонёнок. — Я спросил, что у него бывает на обед, а он мне дал вот это.

— Некрасиво, — сказал волосатый дядя павиан.

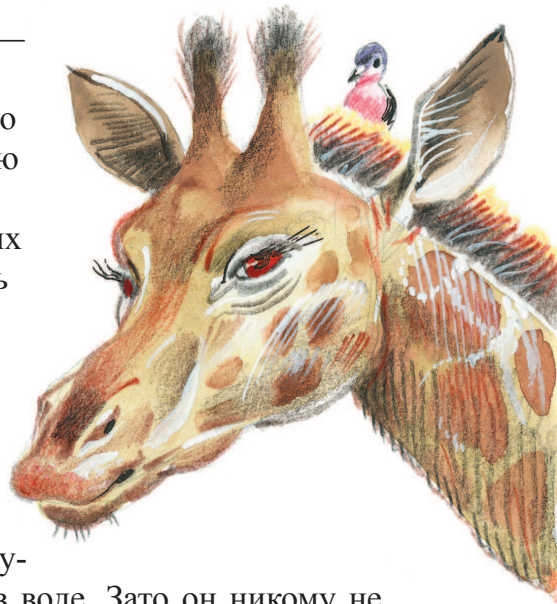

— Правда, — ответил слонёнок, — зато очень удобно.

С этими словами он схватил своего волосатого дядю павиана за мохнатую руку и сунул его в гнездо шершней.

Затем слонёнок принялся бить других родственников. Они очень разгорячились и очень удивились. Слонёнок повыдергал у своего высокого дяди страуса хвостовые перья. Схватив свою высокую тётку жирафу за заднюю ногу, он проволока её через кусты терновника. Слонёнок кричал на своего толстого дядюшку гиппопотама и задувал ему пузыри в ухо, когда тот после обеда спал в воде. Зато он никому не позволял обижать птицу коло-коло.

Отношения настолько обострились, что все родичи, один за другим, поспешили на берег большой серо-зелёной мутной реки Лимпопо, где растут деревья лихорадки, чтобы добыть себе у крокодила новые носы. Когда они вернулись назад, то больше никто уже не дрался. С той поры, милые мои, все слоны, которых вы увидите, и даже те, которых вы не увидите, имеют такие же хоботы, как неугомонный слонёнок.

КАК БЫЛО НАПИСАНО ПЕРВОЕ ПИСЬМО

Давным-давно, в незапамятные времена, милые мои, жил на свете первобытный человек. Жил он в пещере, еле прикрывал своё тело, не умел читать и писать, да и не стремился к этому. Лишь бы не голодать — вот всё, что ему было нужно. Звали его Тегумай Бопсулай, что значит «человек, который не спешит ставить ногу вперёд», но мы для краткости, милые мои, будем называть его просто Тегумай. Жену его звали Тешумай Тевиндрау, что значит «женщина, которая задаёт множество вопросов», но мы для краткости, милые мои, будем называть её просто Тешумай. Их маленькую дочку звали Таффимай Металлумай, что значит «шалунья, которую надо наказывать», но мы для краткости, милые мои, будем называть её просто Таффи. Она была любимицей папы и мамы, и её наказывали гораздо реже, чем следовало. Как только Таффи научилась бегать, то стала всюду сопровождать своего папу. Они не возвращались домой в пещеру, пока голод не загонял их. Глядя на них, Тешумай говорила:

— Да где же вы оба были, что так вымазались? Право, Тегумай, ты не лучше Таффи.

Ну, теперь слушайте!

Однажды Тегумай Бопсулай пошёл через болото к реке Вагай наловить багрём рыбы к обеду, Таффи тоже пошла с ним. У Тегумая багор был деревянный с зубами акулы на конце. Не успел Тегумай ещё поймать ни одной рыбы, как нечаянно сломал его, сильно стукнув о дно реки. Они были очень-очень далеко от дома (и, конечно, захватили с собою завтрак в маленьком мешочке), а Тегумай не взял запасного багра.

— Вот тебе и рыба! — сказал Тегумай. — Полдня придётся потратить на починку.

— А дома остался твой большой чёрный багор, — заметила Таффи. — Дай я сбегая в пещеру и возьму его у мамы.

— Это слишком далеко для твоих толстеньких ножек, — ответил Тегумай. — Кроме того, ты можешь провалиться в болото и утонуть. Обойдёмся как-нибудь.

Он сел, достал кожаный мешочек с оленьими жилами, полосками кожи, кусочками воска и смолы и принялся чинить багор. Таффи тоже села, опустила ноги в воду, подпёрла подбородок рукою и задумалась.

Затем она сказала:

— Правда, папа, досадно, что мы с тобою не умеем писать? А то послали бы мы за новым багрём.

— Пожалуй, — ответил Тегумай.

В это время мимо проходил чужой человек. Он был из племени тевара и не понимал языка, на котором говорил Тегумай.

Остановившись на берегу, он улыбнулся маленькой Таффи, так как у него дома тоже была дочурка. Тегумай вытащил из своего мешочка клубок оленьих жил и стал связывать багор.

— Иди сюда, — сказала Таффи. — Ты знаешь, где живёт моя мама?

Чужой человек (из племени тевара) ответил:

— Гм!

— Глупый! — крикнула Таффи и даже топнула ножкой.

По реке как раз плыла стая больших карпов, которых папа без багра не мог поймать.

— Не мешай взрослым, — сказал Тегумай.

Он так был занят своей починкой, что даже не оборачивался.

— Я хочу, чтобы он сделал то, что я хочу, — ответила Таффи, — а он не хочет понять.

— Не мешай мне, — сказал Тегумай, обкручивая и затягивая оленьи жилы и придерживая их кончики зубами.

Чужой человек (из племени тевара) сел на траву, и Таффи показала ему, что делает папа. Чужой человек подумал:

«Странная девочка! Она топает ножкой и делает мне гримасы. Вероятно, это дочь того благородного вождя, который так велик, что даже не замечает меня».

— Я хочу, чтобы ты пошёл к моей маме, — продолжала Таффи. — У тебя ноги длиннее моих, и ты не провалишься в болото. Ты спросишь папин багор с чёрной ручкой. Он висит над очагом.

Чужой человек (из племени тевара) подумал:

«Странная, очень странная девочка! Она машет руками и кричит на меня, но я не понимаю, что она говорит. Однако я боюсь, что этот высокомерный вождь, человек, оборачивающийся к другим спиной, разгневается, если я не догадаюсь, чего она хочет».

Он поднял большой кусок берёзовой коры, свернул его трубочкой и подал Таффи. Этим он хотел показать, милые мои, что сердце его чисто, как белая берёзовая кора, и зла он не причинит. Но Таффи не совсем верно поняла его.

— О! — воскликнула она. — Ты спрашиваешь, где живёт моя мама? Я не умею писать, но зато умею рисовать чем-нибудь острым. Дай мне зуб акулы из твоего ожерелья!

Чужой человек (из племени тевара) ничего не ответил, и Таффи сама протянула ручку к его великолепному ожерелью из зёрен, раковин и зубов акулы.

